

СЕРГЕЙ ЮРИН

Страна
дубрав

G

СЕРГЕЙ ЮРИН

Страна
дубрав

ОЧЕРКИ

Советский писатель

МОСКВА * 1955

МОЙ ТОВАРИЩ СТРОГОВ

1

«Мастер огня гвардии старший лейтенант Строгов» — было напечатано во фронтовой газете. И фотография: длинная, черным веером борода... Но выправка, ордена, широкая грудь! Под стальной каской твердые, молодые глаза.

Батарея, которой командовал Строгов, держала первенство по стрельбе. Когда батарея находилась перед расположением белофиннов, то они каждое мгновение ждали: вот раздвинется снежный сугроб и покажется маленькая яростная пушка. Она будет стрелять три-четыре минуты, но запомнятся эти минуты для тех, кому посчастливилось уцелеть, на весь остаток жизни. Передвижной снежный заслон при стрельбе прямой наводкой был одним из многих изобретений бойцов батареи Строгова.

Это была грозная сила, снайперская часть, воспитанная отважным командиром. На знамени ее был орден Ленина.

Бойцы любили Строгова.

Летом они приносили ему землянику.

— Когда собирал ягоды?

— Во время пастьбы лошадей, товарищ гвардии старший лейтенант!

Получалось всегда так, что ягоды собирались во время пастьбы...

— Разрешите получить обратно кружку, товарищ гвардии старший лейтенант!

Четкий поворот налево кругом, отдернутая от каски рука... и, только когда за бойцом закрывалась дверь землянки, Строгов, улыбаясь, принимался за землянику.

Я потерял Строгова в лесах на Карельском перешейке. Нашел его снова в лесах Кавказа, уже после войны.

Это было так.

С знакомым ботаником, профессором Лесотехнической академии имени Кирова, мы поднимались в гору. Весенний буковый лес звенел голосами зябликов и свиристелей, как и у нас на севере. Из-под рыжих прошлогодних листьев робко выглядывали синие хохлатки. Когда ветер шевелил вершины могучих деревьев, под ногами у нас пробегали легкие блики и тени.

Профессор был руководителем экскурсии студентов, которые изучали семьсот растительных видов Сочинского дендрария. Поминутно нагибаясь, чтобы сорвать то хрупкий анемон, то мясистый «петров крест», профессор говорил:

— Плоды мыльного дерева похожи на сливы. Один сотрудник решил попробовать их — и можете себе представить, что с ним случилось... Яд, отравка!

— Кто же этот ботаник, который не отличает ядовитые плоды от съедобных? — спросил я.

— Не делайте поспешных заключений, — ответил профессор. — Специальность Строгова, собственно, зоология...

— Какой Строгов? — перебил я. — Вячеслав?

— Да. Вы его знаете?...

...В тот же день мы встретились. Бывший гвардеец был в шляпе и черном драповом пальто. Он сильно изменился: лицо бледное, щеки впали, только черная борода разведалась попрежнему: из-за нее в дивизии Строгова звали Миклухо-Маклаем.

Мы разделись в маленькой прихожей и пошли в комнату. Хозяйка на кухне жарила камбалу по-гре-

чески, пахло на весь дом. За окном свешивались плачущие ветви эвкалипта с голым розовым стволом. Был виден порт, белый санаторий и далекий Дагомыс. Внизу голубело море.

Но когда на столе зазвенел телефон и мой товарищ, сняв трубку, знакомым голосом сказал: «Строгов у телефона!» — мне показалось, что я ослышался.

Надо было:

«Гвардии старший лейтенант Строгов у телефона!»

И до того пахло фронтовым прошлым, что я увидел, будто сидим мы согнувшись в землянке, кругом снег и сли, а близко слышны разрывы.

2

По окончании Ленинградской лесотехнической академии Вячеслав Строгов посвятил себя лесным зверям и птицам. В стране изучали, разводили ценные породы зверей. Устраивали фермы серебристо-черных лис, маралов, пятнистых оленей. Зайца-русака переселили в Сибирь, где он раньше вовсе не водился. Так же поступили с алтайской белкой-телеуткой, доставив ее в вагонах в Крым и на Кавказ. Северные болота заселили ондатрами, американской норкой. Это была одна из страничек большого дела преобразования природы на одной шестой части земного шара...

Строгова особенно заинтересовали лоси. Попыты по изучению их как возможных в будущем домашних животных были поставлены в ряде мест, в том числе и под Ленинградом. Один из выпусков «Трудов Арктического института» был посвящен этой теме.

Собирая и сравнивая все данные опытов, Строгов убеждался, что задача приручения лосей разрешима. Он работал над этой темой на ферме академии, в Лисине.

Когда настала война, ферму немцы сожгли, а лоси ушли на север. Строгова тяжело контузило, у него отнялись ноги, и его привезли в Сочи. Бывшего артиллериста пеленали, как младенца, в теплые одеяла и везли на Мацесту. Тело в ванне краснело, кожа покрывалась

серебристыми пузырьками газа. После ванны — ощущение странной, давно не испытанной юношеской легкости. Но угнетало отсутствие зимы, тягучие, по неделям, дожди. Так прошло около года, и вернулась первая после войны весна. Море в тумане было молочно-зеленое, фиалки и примулы скромно выглядывали из-под обрыва. Цвела жимолость. Все под дождем.

А вечером проглянуло солнце. Строгов наблюдал его с балкона. Оно село, как докрасна раскаленный уголь, один уголь в синей дымке, без лучей. Лишь вверху, по перистым облакам, сияли пурпур и золотые мазки.

Сестра, заглянув в палату, вдруг ахнула и побежала доложить дежурному врачу:

— Больной Строгов на балкон выполз!

Две женщины в белых косынках поспешили в палату. Строгов уже сидел в плетеном кресле.

— Что вы тут делаете?

— Дроздов слушаю! — сказал Строгов.

Дрозд и на самом деле сидел на верхней ветке могучего дуба и пел свою песню вечерней зари, как поет он се везде, на севере и на юге.

3

Строгов, хотя и не совсем уверенно, начал передвигаться. Он ходил, потом снова приступы боли укладывали его в постель. Снова с усилием, преодолевая слабость, подымался, шел в парк.

В одну из таких прогулок заглянул на лесную опытную станцию в дендрарий. На пробковой плантации ходил, внимательно присматриваясь к деревьям, какой-то человек. Это был профессор ботаники, у которого Строгов слушал лекции в академии.

— Не могу больше переносить лазаретную обстановку, не могу без работы! — пожаловался Строгов. — Как вы думаете, можно стать прежним после трех лет на передовой, да еще в ленинградской блокаде? Врачи уверяют, что к лету следующего года я опять стану «довоенным». Ваннами лечат. . . А мне бы на работу!

Профессор испытующе посмотрел на бородатого, с бледным лицом человека. Рад бы помочь, но, насколько ему известно, никаких тем по зоологии в дендрарии нет. Вот если бы в Ленинграде...

— Об этом не может быть и речи, — прервал Строгов. — Врачи решительно не отпускают на север.

— Гм... А отчего бы вам не стать «королем пробки»? — предложил вдруг профессор.

В Грузии, вблизи Очемчир, находились старейшие плантации пробкового дуба, да Хостинская плантация — около ста гектаров, да в самом дендрарии гектара два... Строгову предлагали стать ботаником.

— Что я должен буду делать? — вяло спросил он.

— Изучать формовое разнообразие пробкового дуба и находить самые полезные формы, — ответил профессор. — Пустая, кажется, вещь, — пробка, а подите, обойдитесь без нее! Вот вам мичуринская тема: создать такие формы, которые можно было бы продвинуть на север... Не забывайте, что вы и лесовод. Семьдесят реликтовых видов растут здесь, многие из них нигде не встречаются, кроме Кавказа. Вам придется лазать по горам, искать и находить... Работа творческая...

— Да? — спросил Строгов.

— Удивительное дело! — продолжал профессор. — Смотрю я на вас и не знаю, что думать... Ведь бывало целые рефераты читали о связи животных и растений, о сезонных кочевках лосей, о том, когда и почему им нужна осиновая кора или корневище аира... Выходит, ботаник и зоолог-то соседи?

Строгов мог бы возразить профессору: то, о чем он говорит, — только одна сторона дела, и не самая для него интересная. Но он промолчал. Недалеко от дендрария был дом, где жил Николай Островский. Вот как он преодолевал свои недуги и находил новое творческое место в жизни?.. Над предложением профессора стоило подумать.

4

В горы Строгов пошел на своих неокрепших ногах уверенней, чем с поддержкой няни ступал на гладкий паркет санатория.

Тишина синеющих в отдалении вершин, запах хвои, самый воздух, заставлявший дышать полной грудью, — все это само по себе было целительным.

Первая же встреченная Строговым горная куропатка сразу заставила его забыть несколько бездельных санаторных месяцев.

Пахучие горные цветы уже не оставляли его равнодушным.

Кавказские леса мало походили на леса севера.

Перевитые лианами в приморской зоне, на высотах они становились просторнее. Среди дубов вдруг попадались грецкий орех или черешня.

Однажды он вспугнул стадо диких кабанов, которые кормились каштанами. Отчищенные до серебряного блеска, сияли вокруг снеговые цепи.

Никто не знал, что иногда Строгову приходилось, взбираясь к вершинам, отдыхать у каждого дерева, так он был слаб. Но с каждым походом он забирался все дальше, все выше. Он взял работу на лесной опытной станции — обследовать пихтовые насаждения. Для этого приходилось подниматься на высоты свыше тысячи метров.

Высокогорные поляны были покрыты предальпийской растительностью, скрывавшей человека. Стебли лиловых колокольчиков достигали вышины двух метров. Соцветия зонтичных поднимались неправдоподобными шатрами, и пчелы летали над рододендронами, собирая пьянящий мед.

Горные луга цвели, казалось, вечно. Они не знали степных засух. Север снова дохнул в лицо Строгову. Стали попадаться карликовые березки. За ними — скалы, тундры, льды.

«Вот и север», — думал он, изнемогая. . . .

Горец-лесник нашел Строгова лежащим без сознания на высоте двух тысяч метров и принес его в свою хижину.

Предки лесника, молокане, бежали в эти неприступные выси от преследований царя. На крыше хижины лежали гранитные обломки, вход был украшен турьими рогами, и медвежья шкура сушилась на ветру.

Здесь молодой ученый прожил несколько недель почти в одиночестве, питаясь медом и медвежьим жиром: то и другое лесник заставлял есть большой деревянной ложкой.

— Противно же, невмоготу! — взманивался Строгов.
— Все равно ешь! — строго приказывал горец.

В довершение приключений Строгова застала в горах зима. С рюкзаком, набитым таблицами и вычислениями, он хотел добраться до Сочинского шоссе, но на полдороге изменили ноги; случилось это посреди бурного холодного ручья, через который он переходил вброд.

Седая волна подхватила, протащила несколько метров. Уцепившись за корень, Строгов встал. На ближайшей колесной дороге его подобрала арба.

— Месяца два, — рассказывал он мне, — я думал, что переберусь к праотцам. Но купание ли это, бродячая ли жизнь с ночевками где попало, с питанием как попало, только ноги мои перестали болеть. Возможно, целебный медвежий жир и мед помогли. . .

Остаток зимы он работал на пробковой плантации, а весной снова ушел в горы. В горах шло строительство, гудели взрывы: будто гигантский рельс протаскивали по скалам, и скалы рушились. . . Кончилось все певучим, струнным звуком дальнего эха.

Однажды в совершенно диком месте Строгов встретил девушку.

Она сидела под черным зонтом на желтом ящике. Костюм ее был таким городским и так не соответствовал ландшафту с водопадом и парящим орлом, что Строгов невольно, без предисловий, спросил:

— Вы кто?

— Геодезистка, — скромно ответила девушка, поправляя берет. — А вы?

— Я ботаник. . . — сказал Строгов.

Его смущенный вид, какие-то зеленые хвосты, торчавшие из рюкзака, были более убедительны, чем его слова, и девушка, махнув рукой, рассмеялась:

— Видно, все мы солдаты одной армии!

— Следопыты! — подтвердил Строгов.

Они дружески проговорили еще несколько минут и расстались: она склонилась к теодолиту, он, раздвигая колючки, полез на скалу.

Когда он вернулся в Хосту, на море после шторма катилась мертвая зыбь. Строгов с наслаждением искупался, подставляя спину мутной волне.

Потом долго ходил по пляжу, рассматривая «дары моря». Среди гальки и щепочек попадались веточки самшита и мокрые листья.

Вот что ему было нужно!

Он наклонился и долго перебирал листья в руках.

На плантации, за чаем с вареньем из кисленького кизила, Строгов рассказывал заведующему о своих путешествиях.

На переправе через речку в «люльке» (две перекладины на колесиках, бегающих по стальному тросу) чуть не остался без пальцев, неосторожно сунув их под колесико. . .

Пробковый плантатор искоса поглядел на Строгова.

— И что же?

— Да ничего, — ответил Строгов. — Взвыл я на всю долину, перепугав до смерти лесничего, который сидел впереди меня. . . А в лесу нашел тисс; тут уже, за то, что не знал, попало лесничему от меня. . . Тисс, как вам известно, порода, медленно растущая, семена всходят на третий год после посева, — а тут естественным путем, в лесу, богатое возобновление. . . И маточное дерево стоит на краю пропасти, современник мамонтов и пещерных медведей! Обнаружил по дроздам в зарослях леса виноградные «джунгли». Семя было, очевидно, занесено дроздами, проросло и теперь растет, опутывая побегами все кусты и деревья вокруг. . .

— Пейте, а то остынет, — сказал заведующий, придвигая стакан.

— . . Ну, дал я волю аппетиту, — продолжал Строгов, — в рюкзак положил немало, и осталось там еще на целое селение. . . А дичь какая! Объездчик, работающий в обходе восемнадцатый год, и не подозревал, что у него в лесных уголках виноградная плантация. . . Ну, а как ваша плантация?

— Кора на дубах — как замша! — сказал заведующий.

щий. — Вы что же, теперь совсем к нам или... опять на экскурсию?

— Какие же экскурсии? — возразил, обидевшись, Строгов. — Я работал на определенные, заданные темы...

О главной «теме» он не сказал: это был зеленый мир, возрождавший его к жизни и вновь заставивший полюбить ее.

5

В одном из парков под Ленинградом Строгов уже встречал пробковый дуб. Это был «амурский бархат» — удивительно выносливое и быстро растущее дерево.

Строгов вывел это заключение из собственных наблюдений. Тогда он не придавал им значения, но теперь вспомнил.

Повидимому, деревцо было молодое, хотя в точности возраст его определить было трудно. От земли сантиметров на пятьдесят поднимался искалеченный, изуродованный ствол, но за один только июнь месяц он выбросил метровый побег; листьями он был похож на ясень.

В Строгове сказался лесобиолог: он с глубоким интересом отнесся к этому явлению. В конце июля побег уже перестал расти. Значит, вегетационный период его продолжался немного более двух месяцев.

«Почему?»

И Строгов правильно ответил: кратким вегетационным периодом южное дерево спасало себя от заморозков. Когда наступали заморозки, оно уже было к ним подготовлено, все части его были покрыты защитным пробковым слоем. Очень рано, раньше всех деревьев «амурский бархат» сбросил свои листья... И Строгов специально приехал в парк зимой, чтобы посмотреть, цел ли побег и как он себя чувствует.

Но побега не оказалось. Жалкие остатки его были смяты и расщеплены.

Веселая ватага ребятишек каталась в парке на лыжах.

— Это вы наделали? — спросил Строгов, показывая на «амурский бархат», и объяснил ребятам, что они погубили.

— А мы, дяденька, думали, что это простая веточка. . .

Вернувшись на то же место летом (родственники его жили поблизости на даче), Строгов увидел, что дуб снова выбросил побег из спящей почки.

Может быть, он растет там и сейчас. . .

Кавказский пробковый дуб — вечнозеленое стройное дерево с густыми листьями. Пробку с него начинают снимать в возрасте пятнадцати-двадцати лет. Размножается он как семенами, так и прививкой. Пробка служит не только для закупорки бутылок, но и как изоляционный материал, для спасательных кругов. . . Но как быть с продвижением этой ценной культуры на север?

Сколько Строгов ни лазил по горам, нигде он не находил ее выше трехсот-четырехсот метров. Неужели пробковый дуб может расти только в Грузии, в Сочинском дендрарии и в Хосте?

Ответ на эти вопросы Строгов нашел в трудах Мичурина. В 1932 году Мичурин писал управляющему госконторой «Сурпроб»:

«На ваш вопрос в письме от 23/XI с. г., правилен ли принятый способ работ по культуре пробкового дуба у вас, отвечаю — нет. По существу дела — неправилен. Также глубоко ошибочны были и все работы ваших предшественников, с самого начала. . .»

И дальше великий ученый указывал, каким путем нужно идти. Этот путь — прежде всего строгий отбор и затем размножение лучшего сорта исключительно вегетативным путем — прививкой на подвоях.

На каких же видах подвоев должен основываться селекционер? Во-первых, на виде, дающем лучшее сращивание с привитым на него сортом, а во-вторых, более подходящем к условиям местности по выносливости к зимним холодам, к составу почвы, по строению формы корневой системы, проникающей в глубокие подпочвенные слои, что особенно важно в засушливых местностях.

«Что же касается до желания продвинуть культуру дуба в более северные местности, в северные части Кавказа, в Южную Украину и еще далее, о чем прежде нельзя было и думать, теперь, при помощи нашего Советского Правительства,— писал Мичурин,— вполне можно надеяться на осуществление этого желания, хотя, конечно, здесь перед нами будет стоять более трудная задача, чем предыдущая культура пробкового дуба в среднем Кавказе и Южном Крыму, но, тем не менее, повторяю: теперь можно с успехом выполнить это дело при помощи гибридизации».

«Итак,— думал Строгов,— месяцы, годы работы, какой увлекательной! О размножении желудями забыть... Пробовать подвой разных дубов и, может быть, того выносливого, растущего под Ленинградом «амурского бархата», который он спасал от веселых лыжников?..»

6

На дороге, близ устья Мзымты, там, где через нее перекинут длинный мост, на плоской наносной равнине у моря, стоит Адлер — черноморский городок с большим будущим.

Есть в Адлере старинная кофейня. За столиками сидят колхозники, табаководы и виноградари, мастера цитрусводства и зимнего огородничества, агрономы-садоводы, рыбаки и охотники, спустившиеся с гор.

Посреди улицы стоит толстая пальма. Игроки в домино вытирают пестрыми платками потные коричневые лица.

И каких только историй здесь не услышишь!

Больше всего разговоров, пожалуй, о новостройках. Хозяйство побережья изменится совершенно. Будут проведены воздушные дороги с гор для вывозки неисчислимых лесных богатств Кавказа.

— Черт их подери, этих фашистов! — воскликнул кто-то из игроков в домино.— Не будь войны, все это было бы уже сейчас!

Тут я увидел бородатого, по-походному одетого человека в выгоревшем пальто. К стене рядом с его сто-

лом были прислонены три большие пластины коры пробкового дуба.

Это был Строгов.

Мы поздоровались.

— Далеко сейчас?

— В Грузию! Вот «раздел» первые три дуба,— показал он на пластины.— Везу определять их технические свойства. Хотя пробковый дуб и не лось, а кажется, я справился с ним, постиг его культуру и могу уже снимать с него шубу. . .

Мы вспомнили все наши встречи. . .

Я спросил:

— Ну как, собираетесь на север?

— Пустое! — махнул рукой Строгов.— Я уже несколько раз бывал там! — и он показал на далские снеговые хребты, сверкавшие над мгlistым ущельем.

7

На днях Вячеслав Строгов приехал в Москву. По-прежнему высокий, стремительный, с бородой, как на портретах Миклухо-Маклая.

Когда я пожимал ему руку, то заметил на большом пальце правой руки почерневший ноготь.

— Люлька? — догадался я.

— Она,— сказал Строгов и по-детски дунул на больной палец.— Ничего, до свадьбы заживет!

Он привез с собой толстую рукопись, одобренную ученым советом. Ее длинное, с латинскими терминами название здесь можно не приводить. Оно касается разведения на Кавказе пробкового дуба на очень большой площади.

ЮРИН СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
СТРАНА ДУБРАВ

Редактор *И. Ф. Трусов*

Художник *А. И. Щербаков*

Худож. редактор *В. И. Морозов*

Техн. редактор *С. И. Брусиловская*

Корректор *М. Ф. Покровская*

Сдано в набор 17/V 1955 г. Подписано к печати 8/IX 1955 г. А 05303. Бумага 84×108/₃₂
Печ. л. 14³/₄ (12,09). Уч.-из. л. 10,57 Тираж 15000. Цена 4 р. 15 к. Заказ № 1260.

Издательство „Советский писатель“
Москва, К-104, Б. Гнездниковский пер., д. 10.

Типография № 2 Управления культуры
Ленгорисполкома. Ленинград,
Социалистическая, 14.